

В полубессознательном состоянии Су Чэ почувствовал, будто его снова кто-то подхватил на руки и отнёс обратно на кровать. Лоб чем-то накрыли — прохладным и очень приятным, отчего пронзительная боль, вызванная попыткой выскрести Магическую печать, значительно утихла.

Однако не успел он полностью прийти в себя, как услышал почтительные приветствия служанок:

— Приветствуем главу секты!

Дальнейший разговор Су Чэ расслышал не слишком отчётливо.

Он лишь смутно уловил женский голос, говоривший нарочито приглушенно. Служанка пересказывала то, как он только что беспричинно потерял сознание прямо в комнате, и в общих чертах добавляла что-то вроде: «Неизвестно, не оказалась ли слишком сильна аура Магической печати, которую наложил глава секты, и молодой господин просто не выдержал».

Затем компресс с его лба кто-то убрал. Спустя мгновение в комнате снова воцарилась тишина.

Ань Циюань бросил все дела сразу же, как получил доклад от прислуги, и поспешил сюда. Раз поиски божественного сознания Су Чэ стали сейчас важнейшей задачей, сохранить для него целую и невредимую оболочку было само собой разумеющимся.

Услышав доклад служанки, Ань Циюань подошел и приподнял прохладное полотенце, лежавшее на лбу Цин Яня. Он действительно увидел, что вокруг магической печати всё покраснело — казалось, возникло отторжение этой смертной оболочки.

Ань Циюань, естественно, и помыслить не мог, что у какого-то жалкого наложника хватит смелости попытаться собственными руками жестоко выковырять оставленную им лично магическую печать. Поэтому его первая реакция, основанная на привычных предположениях, полностью совпала с мнением остальных, посчитавших это проявлением плохой приживаемости.

Поразмыслив немного, Ань Циюань велел всем удалиться, после чего протянул руку и коснулся лба Су Чэ.

Его мысли едва заметно шевельнулись, и тончайшая нить духовной силы через кончики пальцев проникла в тело Су Чэ. Если эта плоть не могла вынести мощное давление Магической печати лишь из-за слишком слабого уровня культивации, то стоило лишь временно повысить духовное давление в теле Цин Яня, как это позволило бы эффективно смягчить побочные эффекты от свеженаложенной печати.

Хотя действительность расходилась с тем, что предполагал Ань Циюань, приток духовной силы в тело Су Чэ действительно помогал облегчить боль.

В полузабытьи Су Чэ почувствовал, как от его лба исходит волнами прохладное дыхание. Это дыхание словно обладало собственной волей: проникая в его тело, оно самостоятельно циркулировало по меридианам. Сделав несколько полных кругов, Су Чэ смутно вновь ощутил прежнее, знакомое по практике чувство движения ци. Его даньтянь слегка потеплел, но это ощущение было настолько приятным и утешающим, что ему почти не хотелось, чтобы оно прекращалось.

Видя, что цвет лица Су Чэ заметно улучшился, Ань Циюань прекратил движения и уже хотел было отнять руку со лба юноши.

Однако в помраченном сознании Су Чэ мысли перепутались, и, почуяв, что источник духовной силы собирается исчезнуть, он на уровне инстинктов протянул руку, чтобы вцепиться в него мертвой хваткой.

Так рука Ань Циюаня оказалась невольно зажата в ладони Су Чэ. В своем полубессознательном состоянии Су Чэ даже машинально прижался к ней щекой.

Ань Циюань на удивление не стал придавать значения этой оплошности со стороны Цин Яня.

Его подушечки пальцев сейчас касались гладкой, словно нефрит, теплой кожи. Стоило ему лишь чуть шевельнуть ими, как под пальцами ощутилась шелковистая нежность.

Ань Циюань невольно легко погладил гладкую щеку Су Чэ, а в кончиках его пальцев все еще струились остатки духовной энергии.

Су Чэ блаженно издал тихий стон и, словно щенок, потерся щекой о широкую ладонь Ань Циюаня. Ань Циюань был всецело поглощен планами отправиться в район Пяти пиков Силян, чтобы отыскать божественное сознание Су Чэ, и изначально не имел ни малейшего намерения предаваться праздности и развлекаться с этими бывшими любовниками, некогда служившими лишь для усаждения похоти и убивания времени.

Однако тело, так покорно прижимающееся щекой к его ладони, оказалось до удручающего похоже на того человека из его воспоминаний. Это невольно заставило его вспомнить тот день, когда они встретились в боковом зале, сплошь усеянном магическими массивами, и Цин Янь предстал перед ним в своем потрясающем душу облачении из белых одежд и с серебряными волосами.

У Ань Циюаня, уже вышедшего из состояния отклонения от ци, зрачки давно вернули свой привычный угольно-черный цвет, но стоило ему лишь подумать о Су Чэ, как его доселе спокойная и ледяная кровь беспричинно начинала закипать.

В глазах Ань Циюаня на мгновение мелькнул кроваво-красный отблеск, но его тут же подарила и скрыла густая чернота.

Хотя заигрывания с этим любовником по имени Цин Янь сейчас совершенно не входили в его планы, Ань Циюань всё же не был настолько занят, чтобы не мочь позволить себе потратить пару часов.

Особенно когда он думал о том, что если удастся благополучно отыскать божественное сознание Су Чэ и поместить его в эту оболочку, то человек, которого он сейчас держал в объятиях, станет самым настоящим, неподдельным Су Чэ.

При одной только мысли о подобной возможности дыхание Ань Циюаня становилось тяжелым.

Находясь в полубессознательном состоянии, Су Чэ инстинктивно тянулся к источнику духовной энергии, питавшему его. Однако после того, как духовная сила впиталась до определенного предела, это тело, полностью лишенное культивации, начало перенасыщаться. Дискомфорт, вызванный недавним ковырянием в Магической печати, полностью исчез, и разум Су Чэ начал постепенно проясняться.

Но когда он наконец пришел в себя, то обнаружил, что сидит, прислонившись, в объятиях мужчины в черных одеждах.

Опустив взгляд, он увидел, что сидит на парче, сотканной из первоклассного темного бархата феникса. На ней сложными и роскошными узорами выделялись выдавленные золотые нити из глазури — этот узор показался Су Чэ смутно знакомым.

Прищурившись, окончательно пробудившийся Су Чэ наконец-то запоздало что-то осознал, и его первой инстинктивной реакцией было изо всех сил напрячь тело, пытаясь вырваться от палящего жара, исходявшего от спины.

Однако едва он шевельнулся, как кто-то схватил его за руку и резко дернул назад.

Из-за этого движения и рывка по закону инерции их тела прижались друг к другу еще теснее, чем прежде.

В самом ухе раздался отнюдь не чуждый ему низкий голос:

— Не нужно спешить подниматься, чтобы приветствовать меня, на этот раз я прощаю твою неучтивость.

Конечно же, сопротивление Су Чэ Ань Циюань истолковал лишь как то, что юноша, придя в себя и осознав неподобающий характер своих недавних вольностей, пожелал встать и искупить вину.

Но сам Су Чэ в этот момент мысленно отчаянно ругался. Будь у него по-прежнему прежний уровень культивации, он бы отдал всё на свете, лишь бы обрушить на лицо Ань Циюаня пару потоков Меча Небесной Кары — и было бы просто прекрасно, если бы эта техника пробила голову Ань Циюаня насквозь.

Увы, о подобном Су Чэ мог только мечтать: не говоря уже о высшем искусстве Секты Цинъян под названием Меч Небесной Кары, сейчас он, как ни старался, приложив все силы до последнего, абсолютно никак не мог вырваться из объятий Ань Циюаня.

Изначально Су Чэ сидел в объятиях Ань Циюаня, устроившись у него на коленях, и теперь, когда он вот так беспорядочно ерзал и терся о него, тело Ань Циюаня немедленно отреагировало. Ань Циюань схватил Су Чэ за запястье и заломил руку назад. Су Чэ взвыл от боли и больше не смел делать резких движений.

Но стоило ему затихнуть, как он отчётливо почувствовал, что вся его спина вплотную прижата к груди Ань Циюаня — сквозь одежду легко передавался жгучий жар чужого тела.

— Послушай-ка, а ты ведь и впрямь готов на любые ухищрения...

У Ань Циюаня было куда больше любовников, чем один только Цин Янь, но вот кто решался

столь нагло и открыто его соблазнять — так это исключительно он один.

Культиваторы демонического пути отроду не относились к тем, кто станет в чём-то ущемлять свои плотские желания. Будучи ветвью, что легче всего обрывается на долгом пути совершенствования, демонические практики исповедовали неизменную жизненную философию: есть вино сегодня — пей сегодня, ведь никто не мог дать гарантии, что доживёт до завтрашнего солнца.

Раз уж такая прелесть так искусно и всевозможными способами заигрывала с ним, он вовсе не возражал попробовать эту плоть на вкус заранее.

По правде говоря, этого Цин Яня приволокли в Долину Без Прощения меньше чем полгода назад.

В первые же месяцы, из-за того что дурная слава Долины Без Прощения внушала слишком сильный ужас, для простого смертного, доселе никогда не контактировавшего ни с какими практиками, сильнейший испуг и всё прочее были обычным делом.

В глазах простых смертных культиваторы демонического пути практически являлись синонимом безжалостных демонов-убийц, а на них самих нередко возводили наговор насчет всяких зловещих техник двойного культивирования, вроде вытягивания женского начала для подпитки мужского. К тому же ходило немало слухов, из-за чего нагнетаемый страх становился лишь сильнее. Когда этого Цин Яня только приволокли в Долину Без Прощения, он, вполне естественно, от страха потерял аппетит и день напролёт обливался слезами. Неудивительно, что он осунулся, кожа его пожелтела, а цвет лица стал мертвенно-бледным. При каждой встрече с Ань Циюанем он только и делал, что хныкал и рыдал, размазывая по лицу слёзы и сопли.

В подобных обстоятельствах у Ань Циюаня, разумеется, пропал к нему всякий интерес. Он просто бросил парня в одном из Теплых павильонов, поручив Ду Яо заняться его воспитанием и дрессировкой.

С большим трудом Ду Яо при помощи изысканных блюд и редких лакомств в качестве приманок постепенно убедил этого трусливого мужчину в том, что пребывание в Долине Без Прощения не только не угрожает его жалкой жизни, но, напротив, сулит богатство, роскошь и всевозможные блага. Лишь со временем Цин Янь наконец сообразил, что к чему.

Однако не успел сменивший гнев на милость Цин Янь получить шанс добровольно предложить себя, как произошло крушение небесной кары во время Вознесения Су Чэ, обернувшееся его трагической гибелью. В тот момент Ань Циюань как раз находился неподалеку от Теплого павильона, где жил Цин Янь, и, услышав о Вознесении Су Чэ, тут же сорвался в иступление. Он впал в безумие, разорвав в клочья всех живых существ вокруг себя, и среди них — этого самого Цин Яня, который бесславно испустил дух.

Вообще-то Ань Циюань не особо жаловал тела вроде того, что было у Цин Яня, еще не

познавшего близости. В определенном смысле он действительно обладал выдающимися природными данными, и когда ему попадались совершенно бесхитростные смертные, он порой по неосторожности лишал их жизни. Если бы этот Цин Янь не был так поразительно похож на Су Чэ, он бы ни за что не стал похищать его.

Но раз уж этот человек сам так бесстрашно вызвался принести себя в жертву, Ань Циюань вовсе не возражал насладиться им чуточку раньше положенного, пусть даже до самого конца дело вряд ли дойдет.

Подумав об этом, Ань Циюань просунул руку под одежды Су Чэ и без труда ущипнул его за выступающий бугорок с одной стороны. Его запястья были зафиксированы. Су Чэ, чей разум пребывал в полном хаосе, лихорадочно соображал, как ему поступить, но не успел он ничего придумать, как рука Ань Циюаня уже скользнула ему под мышку и, подобно ядовитой змее, забралась прямо под одежды.

Это тело оказалось неожиданно чувствительным. Стоило Ань Циюаню ущипнуть его за грудь, как Су Чэ инстинктивно издал тихий стон, а затем рефлекторно схватил Ань Циюаня за запястье.

Для Ань Циюаня подобное движение выглядело лишь незатейливой игрой в ложное сопротивление, и он не придавал этому особого значения. Нагнувшись, он нежно взял зубами мочку уха Су Чэ.

Теплый кончик языка медленно и тщательно обвёл форму ушной раковины, а пальцы продолжали мять и потягивать уже набухший и затвердевший сосок, явно наслаждаясь происходящим.

Ань Циюань прекрасно разбирался в подобных любовных утехах, однако для Су Чэ, который в этих делах был чище чистого листа бумаги, это стало настоящим ударом грома среди ясного неба.

Наставник привел Су Чэ в Секту Цинъян для занятий культивацией, когда тому было всего тринадцать лет — в самый зелёный и наивный возраст. К тому же мальчики развиваются медленнее девочек, и Су Чэ начал постигать путь Дао задолго до того, как созрел до понимания плотской любви. К тому же, согласно заведенным в Секте Цинъян правилам набора учеников, в ряды секты принимали исключительно мальчиков, не утративших невинность.

В конце концов, сутью пути Дао являлось суровое аскетическое совершенствование по принципу сохранения небесных принципов и подавления человеческих страстей. Ради постижения безграничности Небесного Дао любые мирские желания и суетные мысли должны были безжалостно отбрасываться. Поэтому, если бы адепт познал плотские радости еще до вступления на путь, он неизбежно запечатлел бы в памяти это сладострастное, проникающее до мозга костей ощущение, от которого впоследствии не смог бы избавиться, что неминуемо создало бы непреодолимое препятствие для дальнейшего роста его уровня культивации. После того как Су Чэ стал учеником своего наставника, он принялся постигать первую ступень

основополагающего метода Секты Цинъян — Канон Чистого Сердца. Суть этой техники заключалась в сохранении чистоты и деятельного небытия в любых мирских соблазнах, стремясь к первозданному состоянию, в котором всё небо и земля сливаются воедино.

Благодаря своему божественному таланту, Су Чэ потратил всего два года на освоение первой ступени практики, достигнув состояния забвения своего Я и окружающего мира. С того самого момента он полностью порвал со всякими мирскими желаниями.

Поэтому, говоря правду, в глазах любых других практиков, за исключением буддийских монахов, адепты пути Дао казались совершенно бесчувственными. Они являлись полной противоположностью как Секте Радости и Гармонии, которая славилась практиками обоюдного совершенствования инь и ян, так и культиваторам демонического пути, чьим смыслом было потакание собственным страстям и одержимости.

Однако, несмотря на это, именно строгая дисциплина, воздержание и непорочный, утонченный облик адептов Дао всегда пользовались наибольшей популярностью у последователей Секты Радости и демонических культиваторов.

Все крупные столкновения между Сектой Цинъян, Сектой Радости и Гармонии и Долиной Без Прощения, случавшиеся в прошлом, без исключения происходили из-за того, что кого-то из даосских учеников похищали последователи Секты Радости для использования в качестве Котла для парного культивирования, либо же их захватывали культиваторы демонического пути, превращая в бессловесных наложников для удовлетворения похоти.

И лишь начиная со времени наставника Су Чэ, Секта Цинъян неизменно возглавлялась мастерами уровня Божественного Превращения. Благодаря этому устрашающему могуществу удавалось сдерживать злые помыслы Секты Радости и демонических практиков.

До самой своей гибели Су Чэ не то что не испытывал подобных близких соприкосновений лицом к лицу — он даже никогда не ведал самых первобытных плотских порывов. И теперь, столкнувшись с незнакомым зудом, неведь откуда пробудившимся в его теле, он был насмерть перепуган!

<http://bllate.org/book/20774/2084328>